

- ¹⁵ Широков О.С. История греческого языка. М., 1983, 101, 103–104.
- ¹⁶ См. сноску 11.
- ¹⁷ Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь. М., 1978, 157–158.
- ¹⁸ Kent R. Old Persian grammar, texts, lexicon. New Haven, 1953, 179.
- ¹⁹ Hinz W. Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975, 64.
- ²⁰ Кочергина В.А. Указ. соч., 192.
- ²¹ Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. Греческие писатели. Вып. 1. СПб., 1890, 233–234.
- ²² Кочергина В.А. Указ. соч., 189.
- ²³ Там же, 386.
- ²⁴ Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 2. Латинские писатели. Вып. 1. СПб., 1904, 350.
- ²⁵ Трубачев О.Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Славянское языкознание. 9 Международный съезд славистов. М., 1983, 250.
- ²⁶ Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. Свод археологических источников. М., 1991, 8–22, 46–51, 57.
- ²⁷ *Almagia R. Monumenta Cartographica Vaticana. Citta del Vaticano, 1944, Т. 1, 13–16; 32–40; 68–69; 76–78; Славянски ръкописи, документи и карти за българската история от ватиканската апостолическа библиотека и секретния архив на Ватикана (IX–XVII век). София, 1978. – Таблици № LIV, LV, LIX, LXIV, LXV, LXVII.*
- ²⁸ Mayer A. Die Sprache der alten Illyrier. Bd. 1. Einleitung, Wörterbuch der illyrischen Sprachreste. Wien, 1957, 111, 327.
- ²⁹ Grønbech K. Komanisches Wörterbuch. Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. Einar Munksgaard; København, 1942, 231.
- ³⁰ См. сноску 26.

В.П. Шмид

МЕДИОПАССИВНЫЕ ПРИЧАСТИЯ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В БАЛТИЙСКИХ, СЛАВЯНСКИХ И АЛБАНСКОМ ЯЗЫКАХ

В настоящей работе необходимо в первую очередь рассмотреть искомые права медиопассивных причастиях на *-to*, вытесненных частично в процессе развития этих языков, частично в результате морфологических спекуляций языковедов-историков. Этим одновременно должны укрепиться позиции тех, кто уже с давних пор не рассматривает эти причастные образования как надежный аргумент в пользу тесного доисторического балто-славянского единства.

1. Из всех балтийских языков причастие на *-to* лучше всего сохранилось в литовском языке, до сих пор оно продуктивно в этом языке. Производное от основы настоящего времени, оно находится в оппозиции по отношению к причастиям на *-nt* в презенсе-активе, к причастиям на *jes-/us* в претерите-активе и к причастиям на *-to* в претерите-пасси-

ве. В зависимости от основы презенса существует четыре различных способа образования¹.

- a) *d'irbti*, 3 л. *d'irba*, прич. *d'irbamas* 'работать'
- b) *traūkji*, 3 л. *traūkia*, прич. *traūkiamas* 'тянуть'
- c) *mylēti*, 3 л. *mýli*, прич. *mýlimas* 'любить'
- d) *sakýti*, 3 л. *sāko*, прич. *sākomas* 'говорить'

Следует добавить два замечания: во-первых, акцент этих причастий временами идентичен акценту глагола в 3 лице, и, во-вторых, этот способ образования отсутствует у атематических глаголов (ср. **es-/ēsamās*, **ei-/ējamās*, **dō-/duōdamās*). Теоретически здесь должно бы произойти смешение с унаследованным первичным суффиксом **-mo/-mā*. Однако далее этот вопрос не будет обсуждаться.

Тот факт, что причастия на *-mo* получают свою темпоральную функцию только путем производности от презентных основ, следует уже из того, что они также могут быть произведены от футурных основ в соответствующей функции (*būsīmas*).

Однако функция номинализации по сути исчерпывается не только согласованием с главным субстантивом для выражения значения 'что делается', он охватывает также другие понятия: возможность в чистом виде (*gyvenamoji troba* 'жилой дом=дом, который жилой, который может быть жилым, жилой'), инструментальность (*verdamsis šaukštas* 'поварская ложка; ложка, используемая при варке пищи', *rašomóji mašinėlė* 'пишущая машинка, машинка, с помощью которой можно писать') и, наконец, также время и место (*keliamasis laikas* 'время, когда встают, время вставания', *valgomasis kambarys* 'столовая, комната, в которой едят' в противоположность *valgomas grybas* 'съедобный гриб', *geriamasis vanduo* 'питьевая вода').

Отношения в латышском едва ли нуждаются в комментариях. Здесь также медиопассивные причастия образуются (*vedams, barams, mīlims, lasāms*) и употребляются (*rakstām-mašina* 'пишущая машинка'), как в литовском. Древнепрусский язык здесь можно опустить, поскольку он не дает достоверных примеров причастия на *-mo*².

Таким образом, можно утверждать, что причастия на *-mo* в восточнобалтийском образуются от презентных основ и, следовательно, у тематических основ имеют форму на *-ama*, у основ на *-ja* – *-iama*, у полутематических глаголов на *-i* – *-ima*, у полутематических глаголов на *-ā* – *-oma* (лтш. *-āma*-). Отсутствуют примеры для атематических глаголов, как и ясные западнобалтийские свидетельства.

2. К сожалению, эта ясная картина нарушается несколькими факторами. Остановимся прежде всего на отглагольных производных, где наблюдается следующая чересполосица:

- a) *suprāsti, supraĩta* 'понимает':
прич. *supraĩtamas* 'понятный'
абстр. *supraĩtīmas* 'понимание'.

- b) *draūsti, draūdžia* 'запрещает':
 прич. *draūdžiamas* 'запретный'
 абстр. *draudimas* 'запрет'.
gėrti, gėria 'пьет':
 прич. *gėriamas* 'годный для питья'
 абстр. *gėrimas* 'напиток, питье'.
- c) *mylėti, myli* 'любит'
 прич. *mylimas* 'любимый'
 абстр. *mylėjimas* 'любовь'.
- d) *(pa)sakýti, (pa)sāko* 'говорит':
 прич. *(pa)sākomas* 'выразимый'
 абстр. *(pa)sākymas* 'речь'.

Из этих примеров видно, что к медиальным причастиям настоящего времени присоединяются абстрактные производные, которые также содержат суф. *-mo*, но в ясных случаях образованы от претеритальной основы производящего глагола, и своим ударением и соединительным гласным (не говоря о *sākomas – sākymas*) определено отличаются от причастий. В семантическом отношении существует ряд перекрестных образований (ср. *pakvietimas ~ kviėčiamas rāštas* 'приглашение', *vālgymas ~ vālgomas dāiktas* 'еда' и д.). Для наших целей особенно важен тот факт, что глаголы с презентной основой *-ā-* (> лит. *o*), имеют медиальное причастие на *-om-* и абстрактное отглагольное имя на *-im-* (см. раздел 7). Иногда образования на *-ima* выходят за пределы границ девербативов (напр. *bāltymas* 'яичный белок', *jūodymas* 'чернота под ногтями', *kārštymas, karštimas* 'горячее питье' и т.д.) и проникают в область отыменных образований на *-uma*. В латышском обратная картина: формы на *-uma* совершенно вытеснили абстрактные образования на *-ima*³.

3. Балтийские собственные имена только в малой степени могут относиться к причастным и абстрактным образованиям⁴. Насколько можно судить по материалу, кажется, что причастного типа там вообще нет. Особая проблема с древнепрусскими личными именами, такими как напр. *Geddā, Antime, Kantim, Tustyma* и т.д. Возможно, древнепрусские формы не следует видеть в таком черном свете, как это делает Р. Траутман⁵, поскольку *Geddā* вполне могло бы быть правильным медиальным причастием по отношению к литовскому тематическому презенсу *gedù, gėda, gedėti*⁶. Сходно обстоит дело со *Stenam* (: *stenù, stenėti*). Р. Траутман отрицает это, ссылаясь на *poklausīmanas*, но встает вопрос, насколько это верно (см. выше прим. 2). *Kintim* могло бы быть правильным причастием к лит. *kentėti* 'терпеть, страдать', *Norim* – к *norėti* 'желать, хотеть', и *Naydom* могло бы относиться к **naydyti* (итератив-интенсив к *niedėti* 'ненавидеть'), *Tusim* было бы тождественно, во всяком случае, морфологически, лит. *tuštimas, tuštymas*.

Таким образом, из всего сказанного следует, что в отношении древнепрусских имен необходимо считаться с возможностью причастных образований, которые соответствуют литовским правилам образования (см. раздел 1; ср. также раздел 6).

4. Славянские соответствия балтийским медиальным причастиям настоящего времени поддаются выделению собственно только еще в старославянском языке, потому что в более молодых славянских языках они были вытеснены из грамматической системы и сохранились еще только в отдельных лексикализованных прилагательных (ср. рус. *видимый, любимый, необходимый, лакомый, ведомый*)⁷. Развитие видно из простого соотношения лит. *rašotoji mašinėlė* – польск. *maszyna do pisania* ‘пишущая машинка’. Из церковнославянских текстов приведем следующие примеры:

a)	<i>vesti, vedq</i>	<i>vedomъ</i> ⁸	c)	<i>svētiti, svęštq</i>	<i>svētimъ</i> ¹³
	<i>jasti, jamъ</i>	<i>jadomъ</i> ⁹		<i>lomiti, lomljq</i>	<i>lomimъ</i> ¹⁴
b)	<i>delati, dělajq</i>	<i>dělajemъ</i> ¹⁰		<i>sqđiti, sqđq</i>	<i>sqđimъ</i> ¹⁵
	<i>piti, pijq</i>	<i>pijemъ</i> ¹¹		<i>slyšati, slyšq</i>	<i>slyšimъ</i> ¹⁶
	<i>tesati, tešq</i>	<i>tešemъ</i> ¹²		<i>vidēti, viždq</i>	<i>vidimъ</i> ¹⁷

d) В славянских языках отсутствует тип образований, соответствующий лит. *sakŷti, sākomas*.

Примеры показывают, что следующие варианты медиальных причастий настоящего времени следует ожидать в славянских языках:

a) *-om-* у чисто тематических глаголов, так что *vedomъ* точно соответствует лит. *vėdamas* (I кл. по Лескину).

b) *-jem-* у презентных основ на *-jo* (< **jom*), которые имеют в качестве соответствия лит. тип *gėrti – gėriamas* ‘пить’, ср. соответственно *gerēti, gerējmas* (III кл. по Лескину).

c) *-im-* у глаголов на *-iti* и *-ēti* (IV кл. по Лескину), за которыми стоят также глаголы лит. типа *mylėti*. Существенно здесь количественное различие соединительного гласного балт. *-i / слав. -ī*.

Попытки выравнять различия между балтийскими и славянскими языками, причем долгота *-ī* выявляется также в балтийском и, наоборот, краткость *-i* в славянском неравноценны, и ни в коем случае не являются объяснением¹⁸. Различия наряду с тем фактом, что в ряде случаев суффиксы не следуют правилам и выступают там, где они не должны быть, сводятся к тому, что распределение в том виде, как оно есть, не может быть первоначальным.

5. Дополнительную проблему представляют также личные имена, местные и водные названия¹⁹. И в этой области также представлены суффиксы *-om-* и *-im-*, но для каждого отдельного имени объяснение может оказаться различным. В случае, если вообще речь не идет о вторичных явлениях в этом классе обсуждаемых имен, польские ономасты стоят здесь перед альтернативой: или это причастие, или краткая фор-

ма двухчленного личного имени. Иногда возможности объяснения этим не исчерпываются. Примером может служить польское имя *Radom*. Поскольку производящая глагольная основа отсутствует, речь может идти только о сокращении личного имени *Radomir*²⁰. Напротив, Ю. Удольф включает имя в более широкие связи²¹ и считает возможным исходить из дославянского корня **redh-*, **rodh-*. При этом как будто бы вновь реабилитируется объяснение из причастия. При попытке рассмотрения прочих производных именно от корня **rad-* возможно двойное объяснение:

1) <i>Radom</i> относится	к	<i>Radunia</i> , также
<i>Lutomia</i>	к	<i>Lutynia</i> ²²
<i>Castom'</i> (лит. <i>Gāstamas</i>)	к	<i>Gostynia</i> ²³
<i>Stradom</i>	к	<i>Stradunia</i> ²⁴ ,

т.е. отдельное имя следует включить в более широкие связи, которые выходят за рамки отдельных славянских языков и таким образом показывают, что предположение о дославянском корне не несет в себе решительно ничего исключительного. Если принимается этот подход, но также возможно:

<i>Radancza, Radęca</i>	<i>Radom</i>
<i>Radusza</i>	<i>Radan?</i> ,

что заставляет признать существование старой четырехчленной системы причастий, состоящей из причастия действительного наст. вр. с суф. *-ni*, причастия страдательного прош. вр. с суф. *-us-*, причастия наст. вр. медиального с суф. *-m-*, причастия страдательного прош. вр. с суф. *-n-*. Но самое неприятное связано с тем обстоятельством, что подобные размышления не исключают возможности того, что польский районный город *Radom* все-таки может не восходить к сокращенному личному имени (*Radomierz*, ср. напр., *Lubomia, Lubomierz*), тем более что имена типа *Bytom, Lutomia, Gostom'* или *Widomia* даже при учете дославянских отношений едва ли могут поняты как причастия.

б. Немалые трудности содержит тип имен на *-im'*, хотя этот тип в основном ограничен западно- и южно-славянскими языками, прежде всего польским языком²⁵, и уже поэтому “более широкие связи”, как в случае с *Radom*, тут вовсе недопустимы. Но также существует здесь и альтернатива – имя как кратная форма причастия.

Надежная причастная форма лежит в основе польск. топ. *Oświęcim*²⁶. Иначе могло бы быть, если бы были известны свидетельства: напр., *Budim', Bładzim', Okocim', Walim* – это уже новообразование после 1945 г.²⁷ Но как раз если привлекается неоднократно засвидетельствованная чересполосица, как напр.:

<i>Bustom</i>	–	<i>Butim</i>	<i>Lutomia</i>	–	<i>Lucimia</i>
<i>Gostom'</i>	–	<i>Gostim, Goscim</i>	<i>Radom</i>	–	<i>Radzim</i>
лит. <i>Gāstamas</i>			<i>Widomia</i>	–	<i>Widzim.</i>

– возникает сомнение в том, что эти имена на *-om-*, *-im-* представляют “причастный тип”²⁸. Помимо объяснения с помощью медиального причастия настоящего времени, должны быть приняты во внимание в качестве источников краткие формы первоначально двучленных личных имен, возможно, абстрактные образования (лит. *-umas*) и, наконец, также вторичные преобразования более древних имен на *-in*. Единственное решение не всегда возможно²⁹.

По существу привлечение собственных имен подтверждает картину, которая получена на базе славянских причастных образований (см. выше с. 203). Образование славянского медиального причастия, в отличие от литовского, обнаруживает ряд упрощений: 1) отсутствует полутематический класс типа лит. *sakýti*, прич. *sākomas*, абстрактное образование типа *sākumas*; 2) утрачено различие типа лит. *žinomas* ‘известный’, *žinojimas* ‘знание’; 3) распределение абстрактных образований лит. *-imas*, *-umas* упраздняется в пользу *-im-*.

Но если уже с самого начала образование причастий подверглось упрощению и в конце концов полностью исчезло из грамматической системы, то не может быть никаких правил распределения *-om-/im-* в собственных именах. Это подтверждается колебаниями в именных образованиях. При этом собственные имена превращаются в показатель грамматического развития, предполагающего наличие старых медиальных причастий, но не сохранившего их. Но если имена на *-om-/im-* в целом производят впечатление поздних образований, снова встает вопрос о древности имени *Radom* (см. выше с. 204). Можно ли в действительности видеть в нем древнейшее образование?

7. Большая заслуга Э. Хэмпа в том, что он указал на сравнимость балтийских и славянских причастий на *-m* с соответствующими формами в албанском языке (не только в гегском), и тем существенно скорректировал установленные уже Э. Бенвенистом³⁰ связи с лувийским языком³¹. А.В. Десницкая распространила сравнение также на абстрактные образования на *-im-* и включила их в рамки более широких албанско-балтийских языковых отношений³².

С помощью некоторых свидетельств из Гийона Бузука (1555)³³ я мог бы обосновать здесь морфологическое сравнение аргументами структурного порядка.

a) *kloftë festuom* ‘sanctificetur’ (Матф. 6, 9) с *festuom*, прич. к *festón* ‘праздновать’, *festim* ‘праздник’, ср. лит. *te būnie švenčiamas*.

b) *me e tentuom* ‘tentantes eum’ (Иоан. 8, 6) с *tentuom*, прич. к *tenton* ‘пытаться’, ср. алб. *tundón* ‘пытаться’, *tundim* ‘искушение’; *endë tentuom* ‘in tentationem’.

c) *gjâ t'ën digluom* ‘понятное дело’ с *ëndigluom*, прич. к *ndëgjon* ‘понимать’³⁴. Ср. в сходном значении лит. *suprantamas daiktas*.

d) *ti je munduom* ‘tu cruciaris’ (Лук. 16, 25) ‘ты подвергаешься мучени-

ям' и *endër këto vise të munduome* 'in hinc locum tormentorum' (Лук. 16, 28), прич. к *mundon* 'страдать', *mundim* 'страдание'.

е) *ai me u deshmuom* 'ut testetur' (Лук. 16, 28), прич. к *dëshmon* 'свидетельствовать'.

ф) *âsht forcuom* 'firmatum est' (Лук. 16, 26) с *forcuom*, прич. к *forcón* 'укреплять', *forcím* 'подкрепление', *forcë* 'сила', *fortë* 'сильный, крепкий'.

Из этих примеров следует, что в древнеалбанском языке глаголам с 3 л. ед.ч. презенса на *-on-* свойственны регулярные медиальные причастия на *-uom-* и абстрактные образования на *-im-* независимо от того, являются ли эти глаголы исконно албанскими или заимствованиями из латинского языка, деноминативами или девербативами. Так как здесь имеет место переход $*o < *ā$ и $*-uom < *-ōM$, речь может идти о глаголах на $-ā^{35}$. Здесь флексия в презенсе напоминает латинское спряжение глаголов на $-āre$, или, иначе говоря, различие лит. $-omas$, $-ojamas$, $-oĭimas$ в албанском совсем не проводится. Напротив, удерживается различие причастия на $-omas$ и абстрактного образования на $-umas$ (алб. *munduom* – *mundim*).

8. Э. Хэмп³⁶ цитирует из оставшейся мне недоступной работы А. Джувани засвидетельствованные в Центральной Албании формы *kam pjekëm* 'I have roasted' или *kam djegëm* 'I have burnt', в которых *ëm* соответствует $-amas$ тематических глаголов (лит. *këpamas*, *dëgamas*). Тем самым мы получаем дальнейшую параллель с балтийскими языками, которая, к сожалению, не включает абстрактного образования. Образование типа лит. *degimas* не имеет соответствия в албанском языке.

9. Естественно, существует еще ряд других производных на $-m$, как напр. *bâm(e)* (: глагол *bâ*, тоск. *bë*, прич. *bënë* 'делать')³⁷ или *pëlqén* 'нравиться' с причастием *pelqyem*³⁸, так же, как отдельные производные ж. р. на $-ë$, которые после исчезновения $-m$ в конце слова зафиксировались как абстрактные образования, как напр. *Shkruomit* 'Писание', *shkuemit* 'хождение' (: *shkon* 'идти'), *frymë* 'дыхание' (: *fryn* 'дуть'), *gjumë* 'сон' и т.д.

Эти факты не приносят ничего нового к обсуждаемой нами проблеме причастий на $-m$ в балтийских языках, поэтому мы можем на них не останавливаться.

10. В заключение еще одно слово о функции образований на $-m$. Они выступают как нормальные презентные причастия (медиальные) и как прилагательные (см. выше a, b, c, d), также и в функции будущего времени (см. выше e) и, наконец, вместо перфектно-пассивного причастия (см. выше f). Такое функциональное расширение албанские причастия на $-m$ разделяют с балтийскими. Напротив, в славянских языках одерживали верх претеритные причастия на $-n$, как в латинском языке причастия на $-to$. Албано-гегское *bâm(e)* четко противостоит тоск. *bënë*, форма которого узурпировала чужую территорию.

11. Все сказанное показывает, что, как бы ни рассматривать связь с причастиями на *-meno*³⁹, отношения между балтийским и славянским ставят ряд вопросов. Но привлечение албанского делает совершенно непригодным признание причастий на *-to* в качестве аргумента в пользу балто-славянского единства. Мы сознательно не затрагиваем вопрос о первичных образованиях на *-to*, которые очень часто опрометчиво связывают с медиальными причастиями.

Примечания

- ¹ Об этом см.: Lietuvių kalbos gramatika II. Vilnius 1971, § 507 и след.; § 547; Ambrazas V. Lietuvių dalyvių istorinė sintaksė. Vilnius, 1979, 43–53; Endzelīns J. Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951, § 718, 924 и след.; Veidemane R. Par divdabju ar izskaņu *-ams* (*-āms*) semantiku un gramatisko raksturojumu // Baltu valodas senāk un tagad. Rīgā, 1985, 148–153; Klimas A. Lietuvių kalbos dalyvių vartosenā. Vilnius, 1993, 24–26.
- ² Ср. Endzelīns J. Senprūšu valoda. Rīgā, 1943, 127 и след. В связи с вост.-балт. причастиями о дискуртируемых др.-прус. примерах *enimumne* ‘angenehm’, *podatunap* ‘сладкое молоко’, *poklausīmanas* ‘он слышит’, *schumeno* ‘сапожная дратва’ см. Mažiulis V. Prūsų kalbos etimologijos žodynas I. Vilnius, 1998, 267 и след.; 3, Vilnius, 1966, 310 и след.; 4, Vilnius, 1997, 87 и след.
- ³ Об абстрактных образованиях на *-ima-*, *-yта-* и *-uma-* ср.: Leskien A. Die Bildung der Nomina im Litauischen. Leipzig, 1891, 429 и след.; Skardžius P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, 208–212 (=Rinkiniai Raštai I. Vilnius, 1996); Otrębski J. Gramatyka języka litewskiego II. Warszawa, 1965, 159–165; Lietuvių kalbos gramatika. I. Vilnius, 1965, § 434, 435, 463, 480, 484, 579, 671, 676; Bammesberger A. Abstraktbildungen in den baltischen Sprachen. Göttingen, 1973, 99–117; Ambrazas S. Diachronische Stratifizierung der grundlegenden Wortbildungstypen bei Verbalabstrakta im Ostbaltischen // Baltistik, Aufgaben und Methoden. Ed. A. Bammesberger. Heidelberg, 1998, 23–32, особенно 25–28.
- ⁴ Vanagas A. Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius, 1970, 39, 42, 90, 154, 188; Endzelīns J. Die lettländischen Gewässernamen // ZslPh 11, 1934, 112–150 (=Darbu izlase III². Rīgā, 1980, 162–194, особенно 179 и след.).
- ⁵ Trautmann R. Die altpreußischen Personennamen. 2. Aufl. Göttingen, 1974, 165–167.
- ⁶ Отмечено у: Kurschat A. Litauisch-Deutsches Wörterbuch I, 573 об отношении к литер. *gėdžia*, *gėdi*.
- ⁷ Что касается материала, ср.: Vondrák W. Vergleichende Slavische Grammatik II. 2. Aufl. von O. Grünenthal, Göttingen, 1928, 139 и след., 400; Leskien A. Handbuch der altbulgarischen Sprache. 6. Aufl. Heidelberg, 1922, 131; Dostál A. Studie o vidovém systému v staroslověnině. Praha, 1954; Klemensiewicz Z., Lehr-Splawinski T., Urbańczyk S. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955, 385 и след. (второе издание 1964 г. мне было недоступно); Bielfeldt H.H. Altslawische Grammatik. Halle, 1961, 229–231; Sławski F. Zarys II. Wrocław etc., 1976, 13–16.
- ⁸ Dostál A. Op. cit. 123 и след.
- ⁹ Ibid., 141.
- ¹⁰ Ibid., 186.
- ¹¹ Ibid., 126 и след.
- ¹² Ibid., 184.
- ¹³ Ibid., 91.

- ¹⁴ Ibid., 217.
- ¹⁵ Ibid., 135 и след.
- ¹⁶ Ibid., 136.
- ¹⁷ Ibid., 138 и след. Отмеченные Досталом падежные и родовые формы определенных и неопределенных флексий в целом здесь возводятся к неопределенной форме номинатива.
- ¹⁸ *O dzirdīms, gulīms* в лтш. ср. Schmid W.P. Studien zum baltischen und indogermanischen Verbum. Wiesbaden, 1963, 88 и след. О слав. *-ъто- < -īmas* см. Ślawski. Zarys II, 15.
- ¹⁹ Я хотел бы сердечно поблагодарить за дружеские советы г-жу др. Инге Били (Лейпциг), г-жу др. Эва фон Лохнер (Ополье), госп. др. Э. Айхлера (Лейпциг) и госп. проф. др. Юргена Удольфа (Геттинген).
- ²⁰ См.: *Rospond St. Słownik etymologiczny miast i gmin PRL. Wrocław etc.* 1984, 320; *Rymut K. Nazwy miast Polski. 2. Aufl. Wrocław etc.* 1987, 200. Ср. также *Rymut K. Nazwiska Polaków. Wrocław etc.* 1991, 226 (s. v. *Rad*).
- ²¹ *Udolph J. Die Stellung der Gewässernamen Polens innerhalb der alteuropäischen Hydronymie. Heidelberg, 1990, 246–256, особенно 257.*
- ²² *Udolph J. Die Stellung 149–192.*
- ²³ *Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologijis žodynas. Vilnius, 1981, 107 и след.; Топоров В.Н. Балтийский элемент в гидронимии Поочья // Балто-славянские исследования. М., 1986, 159.*
- ²⁴ *Udolph J. Die Stellung 279–282.*
- ²⁵ Сердечно благодарен г-же др. Эве фон Лохнер (Ополье) за список польских имен на *-im*, который, однако, никаких примеров и объяснений не содержит. Отдельные имена представлены также за пределами польского языка: ср. напр., *Nichrim* – см.: *Eichler E. Slawische Ortsnamen zwischen Saale und Neiße 3. Bautzen, 1993, 18; топ. Barnim* – см.: *Schlimpert G. Die Ortsnamen des Barnim. Brandenburgisches Namenbuch 5. Weimar, 1984, 90–92; сюда же топ. Barnim* – см.: *Rymut K. Nazwy miejscowe Polski I. Kraków, 1996, 85; Gamensee*, если из *Godim* – см.: *Schlimpert G. Op. cit. 297; Chotimesdorf* – см.: *Bily J. Ortsnamenbuch des Mittelbegebietes. Berlin, 1996, 53; сюда также Chotim* – см.: *Rymut K. Nazwy miejscowe II. Kraków, 1997, 52; Parchim* – см.: *Eichler E. – Walther H. Stadtnamenbuch der DDR. Leipzig, 1986, 213; Šmilauer V. Zur Namengeographie im tschechischen Sprachgebiet // Beiträge zum slawischen onomastischen Atlas. Ed. Fischer R. und Eichler E. Berlin, 1970, 57–74, особенно с. 70 (Hostom, Chrudim); Симеонов Б. Местни названия на *-im, Kričim* и др. // Български език 13, 1963, 132–137; Иванов Й.Н. Местните имена между долна Струма и долна Места. С., 1982, 83 и след. (о *Butim*).*
- ²⁶ *Rospond St. Słownik, 276 и след.; иначе (о собств. имени Oświęta) Rymut K. Nazwy miast 178.*
- ²⁷ *Rospond St. Słownik 412.*
- ²⁸ *Rospond St. Beiträge zum Slawischen Onomastischen Atlas, 30; Udolph J. Stellung 320.*
- ²⁹ Сходно *Udolph J. Stellung 257, 320.*
- ³⁰ *Benveniste E. Hittite et Indo-européen. Paris, 1962, 27–32.*
- ³¹ *Hamp E.P. On Baltic, Luvian and Albanian Participles in *-m- // Baltistica 9, 1, 1973, 45–50; Ambrazas V. Lietuvių kalbos dalyvių (см. раздел 1), 43.*
- ³² *Десницкая А.В. Сравнительное языкознание и история языков. Л., 1984, 200, 201. Далее сюда же Schmid W.P. Zwischen Baltikum und Balkan. Sitz. d. sächs. Akad. d. Wiss. zu Leipzig. Phil.-hist. Kl. 132, 5. Berlin, 1993.*

- ³³ Отмечено у: *Lambertz M.* Albanisches Lesebuch I. Leipzig, 1948, 99; мне не удалось ознакомиться с книгой: *Ressuli N.* Il "Messale" di Giovanni Buzuku. Città del Vaticano, 1958.
- ³⁴ *Mann St.E.* An Albanian Historical Grammar. Hamburg, 1977, 146 (*ndëgjoj* < лат. *intellegere*).
- ³⁵ *Demiraj B.* Albanische Etymolgien. Amsterdam; Atlanta, 1977, 43 (§ 1, 2a), 44 (§ 1, 2, 3a).
- ³⁶ *Hamp E.P.* Op. cit. 47⁵.
- ³⁷ Ср.: *Mann St.* Op. cit. 136, 185; *Hamp E.* Op. cit. 46².
- ³⁸ *Demiraj B.* Op. cit. 55 (3.3.3. g.).
- ³⁹ *Szemerényi O.* Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft. 3 Aufl. Darmstadt, 1989, 349 и след.

Перевела с немецкого *Л.В. Куркина*

Х. Шустер-Шевц

К АБЛАУТНЫМ ОТНОШЕНИЯМ В.-ЛУЖ. *SLÓNCO* 'СОЛНЦЕ' И Н.-ЛУЖ. *SLYŃCO* / ДИАЛ. *SLUŃCO* ТО ЖЕ, А ТАКЖЕ В.-ЛУЖ. *PŁOKAĆ* 'СТИРАТЬ (БЕЛБЕ)' И Н.-ЛУЖ. *PAŁKAŚ*, ДИАЛ. *POŁKAŚ/PEŁKAŚ* ТО ЖЕ

Существует четкое различие в отношении корневого вокализма между верхне- и нижнелужицким названием солнца. В то время как соответствующая верхнелужицкая форма *slónco* однозначно восходит к праслав. **solnъce* (<**sǎlnikjos*) (праслав. **TǎlT*, ср. в.-луж. *klóda* 'колодка, колода, тюрьма', н.-луж. *klóda* 'бревно, чурбан, колода; пень' <**kǎldā*; в.-луж., н.-луж. *zloto* 'золото' <**zolto* (<**zǎltǎ*)), н.-луж. *sluńco/sluńco* отражает, как и большинство других славянских названий солнца, праслав. **sъlnъce* < **sŭlnikjos* (**Tŭlt*, ср. рус. *солнце*, др.-рус. *сълньце*, ст.-слав. *слъньце*, с.-хорв. *сунце*, чеш. *slunce*, словац. *slnce* и т.д.). Вокализм -у- в н.-луж. *sluńco* вместо ожидаемого -и- (**stwińco*) обусловлен действующей в собственно нижнелужицком (западном) тенденцией к нейтрализации противопоставления по лабиальности, которая проявляется прежде всего в соседстве с губными согласными, ср. примеры типа н.-луж. *klóbyk* 'шляпа' < *klóbuk*, *pyto* 'путо' < *puo*, *rozum* 'ум, разум' < *rozum*, *tyca* 'радуга' < *tusa* и т.д.)¹. В старом нижнелужицком и в восточных нижнелужицких диалектах с сохраняющимся зубным *l* по этой причине – еще исходное *sluńco/sluńce* (Schuster-Sewc 1305). Но наряду с этим старый нижнелужицкий демонстрирует, подобно верхнелужицкому, также и формы с огласовкой -lo-. Это были, как показывает географическая принадлежность соответствующих памятников письменности, прежде всего формы, ограниченные восточными нижнелужицкими диалектами,